УДК 348.71(470+571:100)

Исаев А.В.,
старший преподаватель кафедры конституционного и муниципального права Орловского филиала РАНХиГС при Президенте РФ, кандидат политических наук

ПРАВОВАЯ ВЕРОИСПОВЕДНАЯ ПОЛИТИКА В XXI ВЕКЕ: РОССИЙСКИЙ И ЗАРУБЕЖНЫЙ ОПЫТ

Данная статья посвящена теоретическим и практическим аспектам правой вероисповедной политики. Проанализирован зарубежный и отечественный опыт правового регулирования статуса религиозных объединений.

Ключевые слова: правовая политика, вероисповедная политика, государственно-конфессиональные отношения, тип правового регулирования статуса религиозных объединений, конкордат, договор.

Актуальные проблемы и основные направления политики государства применительно к различным сферам жизнедеятельности общества привлекают все большее внимание ученых и практиков.

По мнению профессора А.В. Малько, «сегодня первый план занимает политика правовая, представляющая собой научно обоснованную, последовательную и системную деятельность соответствующих структур (прежде всего государственных и муниципальных органов) по созданию эффективного механизма правового регулирования, по цивилизованному использованию юридических средств в достижении таких целей, как наиболее полное обеспечение прав и свобод человека и гражданина, укрепление дисциплины, законности и правопорядка, формирование правовой государственности и высокого уровня правовой культуры и правовой жизни общества и личности»[1].

В настоящее время особый интерес как со стороны общественности, так и представителей экспертного и академического сообщества проявляется к практике прове-

дения правовой политики в сфере государственно-конфессиональных отношений (ГКО), что обусловлено поиском оптимальной для Российской Федерации модели таких отношений, соответствующей современным правовым стандартам, а также резонансом по делу Pussy Riot и торговли на территории Храма Христа Спасителя.

С нашей точки зрения, определенные недостатки, касающиеся правоприменительной практики в религиозной сфере, связаны с отсутствием в юридической и справочной литературе устоявшейся терминологии[2].

Так, например, исходя из исследовательского интереса, политику в анализируемой сфере называют по-разному: «религиозная политика», «церковная политика», «политика в сфере государственно-церковных отношений», «политика в сфере отношений с религиозными объединениями», «государственно-конфессиональная политика», «вероисповедная политика».

В частности, для специалистов кафедры государственно-конфессиональных отношений Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации вероисповедная политика — это часть политики государства в сфере свободы совести и вероисповеданий, а именно система действий государства, включающая целеполагание, правовое обоснование, комплекс организационно-практических мер: по обеспечению свободы совести и вероисповедания человека и гражданина; по созданию необходимых условий для удовлетворения религиозных потребностей[3]. О.Ю. Васильева, А. Журавский, А. Кырлежев под религиозной политикой понимают систему действий светского государства в сфере государственно-конфессиональных отношений, свободы совести и вероисповедания с учетом многообразия форм присутствия религии в обществе[4]. При этом определяющей целью такой политики является содействие консолидации и стабильности российского общества, его духовному оздоровлению. В данном контексте схожи мнения А.А. Нуруллаева П.Е. Суслонова, И.С. Цыремпиловой[5].

Трудно не согласиться с мнением В.А. Матвиенко, что для успешного развития современного Российского государства в условиях формирования гражданского общества необходима научно обоснованная, подлинно демократическая и целенаправленная государственно-конфессиональная политика. Ее сущность, характер и направленность должны быть конструированы правовыми актами, а также институализированы деятельностью государственных и религиозных структур, выступающих субъектами государственно-конфессиональных отношений и взаимодействий[6].

Заслуживает внимания позиция И.А. Куницына, для которого вероисповедная политика России — это деятельность органов государственной власти Российской Федерации, субъектов РФ, а также органов местного самоуправления в сфере государственно-конфессиональных отношений, направленная на реализацию положений Конституции Российской Федерации, законодательства Российской Федерации, норм международного права[7].

С.А. Бурьянов и С.А. Мозговой определяют процессы, происходящие в современном российском обществе и касающиеся государственной политики в сфере свободы совести и вероисповеданий, как антиконституционные. По их утверждению, в современной России интересы правового государства и гражданского общества игнорируются в угоду текущим интересам удержания власти отдельными группами[8]. Как нам видится, данные заявления требуют тщательной правовой проверки.

Свою точку зрения по данному вопросу высказывают М.Г. Абзакаев, А.Т. Гилалов, А.В. Гостюхин, С. Градировский, С. Зуев, Е. Малахова и другие. С начала 2011 года по настоящее время защищены докторские и кандидатские диссертации Е.М. Дриновой, М.И. Безбородовым, М.М. Мчедловой, С.Ю. Садченковым, А.В. Ситниковым, Г.В. Станкевич, А.В. Пчелинцевым, А.В. Тонконоговым, М.С. Топчиевым, в которых затронуты актуальные теоретические и практические проблемы анализируемых отношений и политики.

Особый исследовательский интерес представляют труды Н.В. Володиной, А.Ф. Гавриленкова, В.А. Живулина, К.Г. Каневского, О.А. Шмаковой, в которых представлены теоретико-правовые основы регулирования со-

временных государственно-конфессиональных отношений[9], а также проведен анализ деятельности институтов религиозной правовой политики в светском государстве[10].

Анализ вышеизложенных работ позволяет сделать вывод, что правовая вероисповедная политика — это единая, целенаправленная, скоординированная деятельность органов государственной власти Российской Федерации, субъектов РФ, а также органов местного самоуправления по оптимизации механизма правового регулирования государственно-конфессиональных отношений в целях достижения их упорядоченности, урегулирования конфликтов, а также обеспечения прав и свобод человека и гражданина в рамках существующего законодательства и норм международного права.

Такая политика выступает не только как фактор, но и как важнейший инструмент организации, функционирования и управления государственно-конфессиональных отношений (что подтверждает исторический опыт. — *Прим. автора*), содержание и сущность которых исследователями трактуются по-разному.

Так, например, с точки зрения экспертов, ГКО — это совокупность исторически складывающихся и изменяющихся форм взаимосвязей (политических, юридических, экономических, социальных и культурных) между институтами государства и религиозными объединениями[11].

Одни исследователи (Н.Б. Костина, К.И. Колесникова) под государственно-конфессиональными отношениями понимают отношения равенства/неравенства субъектов, включенных во взаимодействие, основанное на мировоззренческой позиции, которое проявляется в сотрудничестве или конфликтах[12]. Другие — как исторически обусловленную объективную взаимосвязь между государством и конфессией, возникающей главным образом в политико-управленческой и идеологической сферах общественной жизни через негативное, нейтральное или позитивное взаимодействие (А.В. Кардашевский, М.Г. Тирских)[13], а также с целой совокупностью конфессиональных объединений, представляющих собой не только традиционно существующие на данной территории организации, но и транснациональные религиозные сетевые структуры (М.С. Топчиев)[14].

С нашей точки зрения, государственно-конфессиональные отношения — это взаимодействие государства и религиозных объединений в целях реализации своих интересов и стратегий, проявляющееся в различных формах (партнерство, сотрудничество, диалог, индифферентность, господство и подчинение, соперничество, конфронтация, конфликт[15]) и регулируемое правовой вероисповедной политикой государства.

Такой подход позволяет свести все многообразие моделей[16] и классификаций ГКО к основному критерию — типу правового регулирования статуса религиозных объединений, а также выявить особенности реализации обозначенной выше политики в том или ином государстве.

Ряд ученых (А.В. Логинов, О.Н. Четверикова)[17] выделяют два типа правового регулирования — универсальный и дифференцированный, первый из которых обычно связывают с сепарационной моделью, а второй — с кооперационной моделью государственно-конфессиональных отношений (именуемой также «партнерство особого рода»), что способствует определенной унификации религиоведческо-юридической терминологии.

Универсальный тип правового регулирования статуса религиозных объединений предполагает наделение последних равными правами и обязанностями независимо от их качественных (особенности вероучения, историческая роль) и количественных (число исповедующих ту или иную религию) характеристик. Государство не вмешивается во внутреннюю деятельность религиозных объединений, а они, в свою очередь, не выполняют функции государственных органов, не претендуют на материальную или иную поддержку со стороны государства. Данная система действует, например, в США, Франции, Нидерландах. Так, согласно поправке I Конституции Соединенных Штатов Америки, «конгресс не должен издавать законов, устанавливающих какую-либо религию или запрещающих её свободное исповедание...» (принята 15 декабря 1791 года)[18]. Статья 1 Конституции Французской Республики указывает на то, что «Франция является недели-

мой, светской, демократической, социальной Республикой. Она обеспечивает равенство перед законом всех граждан без различия происхождения, расы или религии. Она уважает все вероисповедания»[19]. При этом конституционная реализация государственной политики отделения церкви от государства складывается как правовое обобщение опыта борьбы с клерикализмом и необходимость поставить в одинаковые правовые условия различные конфессии, соперничающие за влияние на государственную политику[20].

Таким образом, при универсальном типе правового регулирования статуса религиозных объединений государство декларирует осуществление либерального стандарта религиозной свободы, что, по мнению экспертов, способно привести к потере национальной идеи.

В условиях дифференцированного типа правового регулирования статуса религиозных объединений законодатель признает определенные религиозные свободы, вместе с тем, в зависимости от роли в истории развития страны, некоторые конфессии наделены большим объёмом прав и обязанностей, в то время как другие подвергаются существенным ограничениям. В некоторых странах (Италия, Испания) религиозные организации, не являющиеся «привилегированными», не наделяются правовым статусом религиозного объединения, а действуют на общих основаниях в виде ассоциаций.

Анализируемый тип правового регулирования включает в себя несколько видов правового статуса религиозных объединений: 1. Статус государственной церкви, имеющий место в ряде европейских стран (например, Греция, Англия, Дания, Исландия, Норвегия, Швеция), а также в 30 мусульманских странах Ближнего и Среднего Востока, Юго-Восточной Азии и Африки. Для правового статуса государственного религиозного объединения характерны следующие особенности: полное или частичное освобождение от налогообложения, получение финансовых субсидий и материальной помощи от государства, выполнение государственных функций в сфере семейных отношений (регистрация брака, рождения, смерти), исключительные полномочия в области воспитания и образования, включая преподавание вероучения в государственных учебных заведениях, право на участие в политической жизни страны, дающее возможность священнослужителям занимать высшие государственные должности (в Англии представители высшего духовенства заседают в палате лордов). В свою очередь, государство оставляет за собой полное право вмешательства в конфессиональную жизнь государственной церкви и замещения высших церковных должностей (глава светской власти — монарх или иное светское должностное лицо, как правило, является главой государственной церкви), а также осуществления внутриконфессионального правового регулирования и управления церковным имуществом. Остальные религиозные организации в условиях существования государственной церкви имеют ограниченный юридический статус[21].

Так, статусом государственного религиозного объединения официально наделена Англиканская церковь в Великобритании, Евангелическая лютеранская церковь в Дании и Исландии, Православная церковь в Греции. В Иране, Ливии, Судане, Иордании, Египете, ОАЭ государственной религией официально признан ислам. В Законе Монголии «Об отношениях между церковью и государством» от 30 ноября 1993 года закреплено господствующее положение буддийской религии.

2. В Италии, Испании, Германии и ряде других стран мира за религиозными объединениями закрепляется консенсуальный (договорной) правовой статус. Его сущность заключается в том, что объём прав и обязанностей религиозного объединения зависит от достигнутого между ним и государством консенсуса, фиксируемого соответствующим соглашением (конкордатом) или совокупностью соглашений, которые заключаются в рамках действующей конституции и законодательства. Этот вид правового статуса позволяет субъектам оставаться абсолютно автономными, не нарушая принципа светскости государства, поскольку он не приводит к приобретению религиозным объединением государственного статуса[22].

Конкордатная система подразумевает любой тип двустороннего соглашения, заключенного между Святым Престолом и

государством или другим субъектом международного права. В собственном смысле слова конкордатом называется особый тип соглашения, заключенного в торжественной обстановке на долговременный срок и регулирующего всю совокупность отношений между государством и католической церковью в каждой конкретной стране. Первым соглашением, получившим всеобщее признание в качестве «конкордата», был Вормский конкордат (1122 г.), который явился итогом наиболее острого конфликта между католической церковью и светским государством в борьбе за власть в средневековой Европе.

По мнению итальянского правоведа С. Феррари[23], конкордат обеспечивает конфессиям даже более сильную юридическую защиту, чем статус государственной церкви, поскольку его положения имеют ту же силу, что и международно-правовые договоры, и не могут быть изменены в одностороннем порядке.

Наиболее распространенным типом двусторонних соглашений является «договор», который обычно затрагивает лишь отдельные вопросы, не регулируя всю совокупность отношений с соответствующим государством. Кроме того, практикуются двусторонние дипломатические документы, именуемые «конвенциями», «протоколами», а также исключительные финансовые соглашения, обмен посланиями с главами государств, обмены нотами. Так, в современный период Святым Престолом заключены 75 двусторонних дипломатических договоров и 54 конкордата[24].

Особенностью договорной системы правового регулирования религиозной сферы является то, что заключение государством соглашения с одной конфессией не препятствует его аналогичному договору с другой, в том числе представляющей религиозное меньшинство страны. Такая практика позволяет, во-первых, учесть специфические особенности и потребности различных деноминаций и, во-вторых, уточнить их правовой статус в соответствии с реальным общественным положением и влиянием того или иного вероисповедания.

Например, конкретные договорные отношения были установлены в Италии с шестью некатолическими религиозными объединениями, такими как вальдезианцы (1984), пятидесятники и адвентисты (1986), иудеи (1987), баптисты и лютеране (1993). В Испании в 1992 г. были законодательно оформлены соглашения с тремя религиозными объединениями: Федерацией евангельских общин, Федерацией израильских (иудейских) общин и Исламской комиссией. Особый характер имеет консенсуальный статус религиозных объединений в Германии, где реальная практика договорных отношений осуществляется на уровне отдельных земель и местных администраций[25].

3. Статус официально признанных (традиционных) религиозных объединений характеризуется наличием правовых норм, закрепляющих данный факт в законодательных актах страны (Болгария, Литва, Бельгия). Так, например, Конституция Болгарии устанавливает, что «традиционная религия в Республике Болгария — восточно-православное вероисповедание». Тем не менее это не означает наличие у данного вероисповедания статуса государственного, поскольку в статье 13 говорится: «Конституция провозглашает свободу вероисповеданий. Религиозные институты отделены от государства. Религиозные общности и институты, а также религиозные убеждения не могут использоваться в политических целях»[26]. Согласно Конституции Литовской Республики, «государство признает традиционные в Литве церкви и религиозные организации, а другие церкви и религиозные организации — в случае, если они имеют опору в обществе и их учение и обряды не противоречат закону и нравственности. Признанные государством церкви и другие религиозные организации обладают правами юридического лица. Церкви и религиозные организации свободно действуют согласно своим канонам и статутам. Положение церквей и других религиозных организаций в государстве устанавливается соглашением или законом. В Литве нет государственной религии»[27].

Кроме того, статья 5 Закона Литовской Республики «О религиозных общинах и сообществах» от 4 октября 1995 года дает разъяснения, что «государство признает девять традиционно существующих в Литве религиозных общин и сообществ, состав-

ляющих часть исторического, духовного и социального наследия Литвы: римско-католические, греко-католические, евангелическо-лютеранские, евангелическо-реформатские, ортодоксальные (православные), старообрядческие, иудейские, мусульманско-суннитские и караимские»[28]. При этом нормативный акт дублирует положения Конституции страны в части признания других религиозных сообществ традиционными, но вместе с тем устанавливает определенные сроки такой «традиционности».

В целом, как показывает зарубежный опыт, государство выбирает партнеров для сотрудничества, учитывая укорененность религий, их социальную значимость, вклад в формирование государственности и другие факторы.

В настоящее время ряд исследователей (И.А. Куницын, О.Н. Петюкова)[29] наряду с универсальным и дифференцированным выделяют моноконфессиональный тип правового регулирования статуса религиозных объединений. Как отмечает И.А. Куницын, такой тип «... может иметь место, как правило, в теократическом государстве, когда на его территории допускается официальное существование религиозных объединений, принадлежащих только к одной конфессии. Формирование этого статуса происходит либо в силу исторически сложившегося отсутствия на данной территории иных религиозных объединений, либо как следствие соответствующей государственной идеологии, полностью основанной на религиозных ценностях, не допускающей возможность идеологической конкуренции. Он характерен для Древней Руси и Тибета (до 1951 года). В настоящее время в условиях информационного общества, высокого уровня развития средств массовой коммуникации существование подобного типа правового регулирования статуса религиозных объединений практически невозможно. Исключение составляет государство Ватикан, которое имеет государственные границы, характеризуется невозможностью существования в пределах этих границ иных религиозных объединений, подданство в государстве совпадает с членством в религиозном объединении — Римско-католической церкви[30].

Следует подчеркнуть, что типы правового регулирования статуса религиозных объединений в каждой стране формируются под влиянием определённых исторических, социальных, экономических и культурных факторов, поэтому трудно судить о наиболее предпочтительном из них. В странах с заметным преобладанием последователей одной или нескольких религий с учётом вклада последних в развитие страны формируется тип, предусматривающий их привилегированное положение, как, например, в Италии, Германии или Египте. При относительно равномерном распределении количества последователей тех или иных религий, как это имеет место в США или Франции, создаются условия для формирования универсального типа правового регулирования, поскольку иное угрожало бы стабильности общества[31].

Российскую Федерацию, с нашей точки зрения, можно характеризовать как государство, в котором к началу XXI века сложился дифференцированный тип. В то же время отнести к определенному виду правового регулирования статуса религиозных объединений наше государство нельзя. Так, положения Конституции РФ (1993 г.) в качестве правовой основы вероисповедной политики определили светскость Российского государства, вследствие чего ряд ученых (Е.В. Бабошина) говорят о сепарационной модели ГКО (и как следствие — универсальном типе правового регулирования. — *Прим. автора*). Вместе с тем заявленная в преамбуле Федерального закона «О свободе совести и о религиозных объединениях» ссылка на «особую роль православия в истории России, в становлении и развитии ее духовности и культуры» и на уважение «христианства, ислама, буддизма, иудаизма и других религий, составляющих неотъемлемую часть исторического наследия России»[32], позволяет не согласиться с данными выводами.

Несмотря на то, что данное положение преамбулы Федерального закона нормативного развития не получило, на практике сложилось несколько уровней взаимодействия государственных институтов с религиозными организациями. Приоритетное положение занимают отношения с «религией большинства», то есть с Русской Православной Церковью, а в ряде субъектов Федерации,

например в Башкортостане, где конфессиональное большинство составляют мусульмане, с мусульманскими религиозными объединениями. На втором уровне расположены отношения с конфессиями, глубоко укорененными в российском обществе и связанными прежде всего с национальной самоидентификацией различных народов России, а именно: старообрядчество, традиционные буддисты, иудеи, лютеране и др. Далее следуют традиционные протестантские церкви, имеющие в России более чем столетнюю историю: евангельские христиане-баптисты, христиане веры евангельской пятидесятники, адвентисты седьмого дня и некоторые другие. Отдельную группу составляют новые религиозные движения[33].

С 90-х годов XX века Российское государство стало использовать договорную форму регулирования отношений, связанных с деятельностью конфессий. Русская Православная Церковь начала заключать соглашения с органами исполнительной власти преимущественно на федеральном уровне, а мусульманская и иудаистская конфессии — на региональном уровне. Вошло в практику заключение соглашений между епархиями РПЦ и полномочными представителями Президента РФ в федеральных округах.

Сегодня органы государственной власти развивают партнерские отношения с Русской Православной Церковью (74% всех договоров), представителями иудаистов (9%), мусульман (6%), буддистов, баптистов, адвентистов и пятидесятников (по 3%). Органы местного самоуправления, признавая многоконфессиональность населения, тем не менее официальные договоры предпочитают заключать с РПЦ (83%) — на 9% больше, чем на федеральном уровне[34].

В настоящее время РПЦ имеет соглашения с министерствами образования субъектов РФ (35 регионов), внутренних дел (24 региона), обороны (9 регионов); здравоохранения (9 регионов); Управлением Федеральной службы РФ по контролю за оборотом наркотиков (19 регионов); Федеральной службой исполнения наказаний РФ (12 регионов); отделами культуры, социальной защиты, комитетами по делам молодежи.

Например, в Курской области действуют договоры о совместной деятельности администрации Курской области и Курского епархиального управления РПЦ. В Орловской области заключены договоры между Орловско-Ливенской епархией и администрацией области, с Управлением Федеральной службы РФ по контролю за оборотом наркотиков, Управлением внутренних дел. Во Владимирской области реализуется инвестиционный проект Русской Православной Церкви по возведению жилищно-гостиничного комплекса в историческом центре города, который проводится в рамках инвестиционного контракта (договора) на строительство объектов недвижимости на территории г. Владимира №1-09/62 от 12.11.2004, заключенного между администрацией г. Владимира и ООО «Р.К. Инвестиционной Славянской риэлтерской компанией»,

В Белгородской, Брянской, Кемеровской, Костромской, Липецкой, Московской, Нижегородской, Пермской, Свердловской, Смоленской, Тверской, Тульской областях, в Краснодарском, Приморском, Ставропольского краях действуют договоры о сотрудничестве с местными епархиями РПЦ в сфере образования, социальной и культурно-просветительской деятельности.

Имеется ряд регионов: Самарская область, Карачаево-Черкесия, Чеченская Республика, Республика Ингушетия и другие, в которых действует договорная система с мусульманскими духовными управлениями. Так, Министерством образования и науки Карачаево-Черкесской Республики заключено Соглашение о сотрудничестве и со Ставропольской и Владикавказской Епархией Русской Православной Церкви, и с Духовным управлением мусульман Карачаево-Черкесии и Ставрополья.

Следует согласиться с К.А. Писенко, указывающего на то, что подобные соглашения способствуют реализации конституционного права граждан на свободу совести, поэтому государственно-церковный интерес при заключении подобных соглашений следует признать публичным, общественно значимым, а сами соглашения — разновидностью административного договора, так как они соответствуют основным признакам данного вида договоров: заключаются в публичных интересах, одной из сторон в них обязательно выступает орган исполнительной власти,

они направлены на реализацию, с одной стороны, компетенции соответствующего органа исполнительной власти, с другой — на осуществление уставных целей религиозных объединений[35]. При этом договорную систему между органами государственной власти различного уровня и РПЦ по своей природе следует отличать от подобных публичных соглашений, применяемых за рубежом.

Указанные особенности правовой вероисповедной политики Российского государства и ГКО предопределяют самобытность Российской Федерации, но вместе с тем дают свободу в толковании норм действующего религиозного законодательства и, как следствие, влияют на правоприменительную практику, зачастую являются поводом для религиозных конфликтов и экстремистской деятельности.

В данном контексте мы солидарны с мнением доктора исторических наук А.Ф. Гавриленкова, что становление и развитие государственно-конфессиональных отношений в России возможны только на законодательной основе, когда государство берет на себя ответственность за формирование указанных отношений и исключает случаи неправового решения вопросов вероисповедной политики. Кроме того, в современных условиях законодатель не может ограничиться лишь установлением «свободы совести», а должен предпринять усилия по адаптации религиозных организаций к цивилизованной правовой системе, учитывая мировой опыт[36].

---

[1] Теория государства и права: Учебник. Н.И. Матузов, А.В. Малько. — М.: Юристъ, 2004. — 512 с.

[2] Это объясняется тем, что за основу анализа взаимоотношений между государством и религиозными объединениями берутся различные аспекты: организационно-административный, культурно-исторический, социально-философский, политико-правовой. Обладая определенными достоинствами и недостатками, тем не менее все они определенным образом и с разных позиций отражают суть государственно-конфессионального взаимодействия и политики государства в данной сфере.

[3] Вероисповедная политика Российского государства / Отв. ред. М.О. Шахов. — М., 2005. — 207 с.

[4] Васильева О.Ю. Концепция Государственной религиозной политики Российской Федерации [электронный ресурс]. Режим доступа. http://www.gazetaprotestant.ru/index.php/state_and_power/4610.

[5] См.: Нуруллаев А.А. О вероисповедной политике Российского государства [электронный ресурс]. Режим доступа. http://www.religare.ru/article1346.htm/analytics9334.htm; Суслонов П.Е. Государственная политика в сфере религиозных отношений. — Екатеринбург, 2007. — 38 с.; Цыремпилова И.С. Государственно-конфессиональная политика по отношению к православию в начале 1920-х гг. (на материалах Байкальской Сибири) // Власть. — 2008. — № 7. — С. 60—62.

[6] Матвиенко В.А. Государственно-конфессиональная политика в современной России: приоритеты, особенности, тенденции: автореф. дис. ... канд. полит. наук. — Орел, 2006. — 29 с.

[7] Куницын И. Историко-правовая комиссия РПЦ под руководством митрополита Мефодия сделала шаг на пути к осмыслению проблем вероисповедной политики России [электронный ресурс]. Режим доступа. http://www.rusk.ru/st.php?idar=4474.

[8] См.: Бурьянов С.А. Государственная религиозная политика: новая концепция — старые подходы // Закон и право. — № 4. — 2003; Бурьянов С.А., Мозговой С.А. Цели и методы религиозной политики: нужна ли России концепция отношений государства и религиозных объединений? // НГ-Религии. — 2006. — 5 апреля.

[9] Володина Н.В. Политико-правовая концепция государственно-конфессиональных отношений в Российской Федерации: проект // Современное право. — 2009. — №6. — С. 22—27; Гавриленков А.Ф. Правовое регулирование государственно-религиозных отношений в Российской Федерации // Теодиция. — №2. — 2011 [электронный ресурс]. Режим доступа. http://www.pglu.ru/science/researches/rnii-gorbunov/teodicea2011.php; Живулин В.А. Теоретико-правовые основы регулирования современных государственно-конфессиональных отношений в Российской Федерации: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. — Нижний Новгород, 2006. — 26 с.; Каневский К.Г. Правовое регулирование государственно-конфессиональных отношений в Российской Федерации: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. — Москва, 2004. — 26 с.

[10] Шмакова О.А. Институты религиозной правовой политики в современном светском государстве: дис. ... канд. юрид. наук. — Ростов-на-Дону,. 2008. — 190 с.

[11] См.: Володина Н.В. Правовые системы государственно-конфессиональных отношений. — М., 2009. — С. 20; Государственно-церковные отношения в России (опыт прошлого и современное состояние). — М., 1996. — С. 4.

[12] Костина Н.Б., Колесникова К.И. Государственно-конфессиональные отношения в России в зеркале социологии // Известия Уральского государственного экономического университета. — 2006. — № 3(15). — С. 184—188.

[13] Кардашевский А.В., Тирских М.Г. Современные концепции государственно-конфессиональных отношений. «Сущностные» модели» // Сибирский юридический вестник. Правовой журнал. — Иркутск: Изд-во Иркут. гос. ун-та. — 2009. — № 2. — С. 25—33.

[14] Топчиев М.С. Государственная политика регулирования конфессиональных отношений в поликультурном регионе: (на примере Астраханской области): автореф. дис. ... канд. полит. наук. — Астрахань, 2011. — 25 с.

[15] В зависимости от историко-культурных и политико-правовых условий.

[16] Модель государственно-конфессиональных отношений представляет собой систему выстраивания и реализации взаимных интересов государства и религиозного объединения в определенном историко-культурном временном отрезке, предопределяющая объём гражданской правоспособности религиозных объединений, наличие или отсутствие имущественных или неимущественных прав, налогообложение их деятельности, предоставление им льгот и государственных субсидий, возможность участия в тех или иных отношениях.

[17] См. подробнее: Логинов А.В. Толерантность в государственно-конфессиональных отношениях (зарубежный опыт) // Толерантность / Под общ. ред. М.П. Мчедлова. — Москва, 2004. — С. 110—141; Четверикова О.Н. Религия и политика в современной Европе. — М., 2005. С. 18—33.

[18] Конституция Соединенных Штатов Америки [электронный ресурс]. Режим доступа. http://grachev62.narod.ru/hrest/chapt18.htm

[19] Конституция Французской Республики [электронный ресурс]. Режим доступа. http://vivovoco.rsl.ru/VV/LAW/FRANCE_W.HTM

[20] Бабошина Е.В. Правовая политика стран Западной Европы в сфере конфессиональных отношений // Философия права. — Ростов-на-Дону: Изд-во Рост. юрид. ин-та МВД России, 2010. — № 1. С. — 62—65.

[21] Человенко Т.Г. Светскость государства: актуализация проблемы в процессе реформирования государственно-конфессиональных отношений // Образование и общество. — № 1(36). — 2006. С. — 76—81.

[22] Куницын И.А. Правовой статус религиозных объединений в России. — М., 2000.

[23] Introduzione al diritto comparato delle religioni / a cura di S. Ferrari, A. Neri. — Lugano: Europress FTL, 2007.

[24] Лагода Е.А. Конкордатная система как модель правового регулирования государственно-церковных отношений // Общество: политика, экономика, право. — 2010. — № 2. — С. 57—60.

[25] Человенко Т.Г. Светскость государства: актуализация проблемы в процессе реформирования государственно-конфессиональных отношений // Образование и общество. — № 1(36). — 2006. — С. 76—81.

[26] Конституция Республики Болгарии [электронный ресурс]. Режим доступа. http://bulgar-star.com/index.php/konstitutcia

[27] Конституция Литовской Республики [электронный ресурс]. Режим доступа. www3.lrs.lt›home/Konstitucija/Konstitucija_RU.htm

[28] Закон Литовской Республики «О религиозных общинах и сообществах» от 4 октября 1995 г. № I-1057 [электронный ресурс]. Режим доступа. http://www.r-komitet.ru/law/faith/foreighn/razdel/litva-3

[29] Куницын И.А. Указ. соч. М., 2000; Петюкова О.Н. Правовые формы отношений Советского государства и Русской православной церкви в 1917—1945 годах : автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. — Москва, 2011. — 53 с.

[30] Куницын И.А. Указ. соч. М., 2000.

[31] Куницын И.А. Указ. соч. М., 2000.

[32] Федеральный закон «О свободе совести и о религиозных объединениях» // Собрание законодательства Российской Федерации. — 1997. — № 39, ст. 4465.

[33] Мухаметзянова-Дуггал Р. М. Государственная политика в сфере свободы совести в России // Известия высших учебных заведений «Социология. Экономика. Политика». — 2012. — № 1(32). — С. 29—32.

[34] Куропаткина О.В. Религия и политика в современной России // Мир и политика. — 2010. — № 46. — С. 86—91.

[35] Писенко К.А. Соглашения о сотрудничестве между религиозными объединениями и исполнительными органами государственной власти РФ как разновидность административного договора // Государство и право. — 2004. — № 3. — С. 71—78.

[36] Садченков С.Ю. Отношения государства и религиозных объединений: теоретико-правовое исследование: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. — Москва, 2012. — С. 4.

Isaev A.V., e-mail: IsaevLesha@yandex.ru
Senior lecturer of the department of constitutional and municipal law of the Orel branch of RANE and CS under the President of the RF, Candidate of Political Sciences

LEGAL RELIGIOUS POLICY IN THE XXI CENTURY: RUSSIAN AND INTERNATIONAL EXPERIENCE

This article is devoted to theoretical and practical aspects of legal religious policy. Foreign and domestic experience of the legal regulation of the status of religious organizations is analyzed.

Key words: legal policy, religious policy, church-state relations, the type of legal regulation of the status of religious organizations, concordat, agreement.